

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С О Ю З А   С С Р

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

имени академика Н. Я. МАРРА

СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

Я $\frac{309}{234}$

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА,

I

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

А. А. СЕМЕНОВ**НАДПИСЬ НА НАДГРОБИИ ПСЕВДО-СЕЙИД ОМАРА В ГУР-И ЭМИРЕ
В САМАРКАНДЕ**

Среди гробниц Тимура, его сыновей, внуков и его духовного наставника в известной их усыпальнице, в Гур-и Эмире в Самарканде, имеется надгробие, которое не имеет никакого отношения к погребениям Тимура и Тимуридов и решительно ничем не связано с ними; тем не менее едва ли не все писавшие о Гур-и Эмире считали нужным в более или менее определенных выражениях упоминать о погребенном под этой могильной плитой Сейид Омаре или эмире Сейид Омаре. Говорят утвердительно (как акад. Бартольд) или с оговоркою „по преданию“, что он был четвертым сыном известного эмира Кулала, занимал должность „мухтасиба“ или блюстителя нравов и мер длины и веса в базарной торговле (неизвестно, в каком городе, по замечанию акад. Бартольда; в городе Самарканде при Тимуре, где и умер в 803/1400—1401 г., по словам В. Л. Вяткина и М. Е. Массона).¹ Ничего похожего на это в надписи нет. Огромная надгробная плита из серого мрамора, повидимому, той же породы, что и мраморные плиты на могилах сына и преемника Тимура, Шахроха, и его внука, Улуг-бека, прикрывает в склепе эту, как-то особенно отдаленную и уединенную могилу. В июне 1941 г., когда правительственная комиссия УзССР вскрывала погребения Тимура и его детей и внуков, я уделил внимание вышеназванной надгробной плите и прочитал на ней следующее (что можно проверить по прилагаемой фотографии с надгробия, сделанной фотографом И. П. Завалиным, рис. 1).

Вверху в изголовье:

لا اله الا الله محمد رسول الله
الرحمن على العرش استوى له

‘Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммед — посол Аллаха’. ‘Всемило-сердый утвердился на (своем) престоле. У него’ (не закончено, и дальше средняя часть плиты лишена каких бы то ни было надписей, хотя, повиди-

¹ В. В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, 1915, стр. 29.— В. Л. Вяткин. Гур-Эмир (библиогр. заметки). Справ. кн. Самарк. обл. за 1906 г., вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 301.— М. Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир, Ташкент, 1926, стр. 25.

тому, для них была отведена длинная поверхность, окаймленная цветочно-образными линиями).

По сторонам плиты, начиная с верхней перемычки:

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ بِسْمِ اللَّهِ وَبِاسْمِهِ الْمُنْتَهَى رَبُّ الْآخِرَةِ وَالْأُولَى لَا غَايَةَ لَهُ
وَلَا مَنْتَهَى فِي السَّمَوَاتِ الْعُلَى الرَّحْمَنُ عَلَى الْعَرْشِ اسْتَوَى لَهُ مَا فِي السَّمَوَاتِ وَمَا فِي الْأَرْضِ
وَمَا بَيْنَهُمَا وَمَا تَحْتَ الثَّرَى وَإِنْ تَجْمَعُ النَّبِيُّونَ بِالْقَوْلِ فَإِنَّهُ يَعْلَمُ السِّرَّ وَأَخْفَى اللَّهُ الْعَظِيمُ وَ
عَظِيمُ الْآلَاءِ دَائِمُ النِّعَمَاءِ قَاهِرُ الْأَعْدَاءِ الرَّحِيمُ عَاطِفٌ بَلُطْفِهِ عَلَى خَلْقِهِ عَادِلٌ فِي حُكْمِهِ عَالِمٌ فِي
مُلْكِهِ رَحِيمٌ الرَّحْمَاءِ عَلِيمٌ الْعُلَمَاءِ بَصِيرٌ الْبَصَرَاءِ غَفُورٌ الْغَفْرَاءِ

‘Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Во имя Аллаха, во имя его чистое, господа будущей жизни и настоящей! Нет конца и предела (ему) в горних небесах. *Всемилосердный утвердился на своем престоле. В его власти, что на небесах и то, что на земле, и то, что между ними, и то, что под землею. Не произноси громко слов своих, потому что он знает тайное и самое сокровеннейшее.*¹ Аллах — велик. Он великий (в своих) милостях, он — вечный (в своих) благодеяниях, он — победитель (всех) врагов, он — всемилосердный, милостивый своими милостями ко (всем) своим тварям, он — правосудный в своих решениях, он — всеведущий в своем владении, он — всемилосердный из милосердых, он — всезнающий из ученых, он — всевидящий из видящих, он — всепрощающий из прощающих’.

Таким образом весь этот арабский текст относится к прославлению Аллаха и к перечислению сопровождающих его качеств без какого бы то ни было намека не только на определенное лицо, но даже и на принадлежность покойника к тому или иному классу. Так что можно думать, что те, которые клали эту огромную мраморную плиту на настоящую могилу, совершенно не знали в точности, кто был в ней похоронен, и сделали эту плиту с надписью самого обычного безотносительного характера лишь в уважение к народному поклонению какой-то чтимой безымянной могиле. Допустить же, что надпись по каким-то причинам осталась незаконченной невозможно, ибо надгробные плиты делаются в мастерских, а не на самой могиле, из мастерской же ее, надо полагать, взяли на могилу вовсе не спешным порядком. Что похороненный в этой могиле не был Сейид Омаром, не опровергается и теми двумя источниками, которые приводят вышеназванные ученые акад. Бартольд и В. Л. Вяткин. Первый ссылается на „Рашахат-у айн-ал-Хайат“ (‘Сочащиеся капли из источника жизни’) ас-Сафи’я (ум. в 939/1532 г.), однако в сочинении этом говорится лишь, что четвертый сын бухарского эмира Кулала, Сейид Омар, большую часть времени проводил за выполнением надзора за нравственностью верующих, за соблюдением на базарах нормальных цен, правильного веса и мер длины. (По этому поводу акад. Бартольд справедливо замечает: „не сказано, в каком городе“). Он отличался чрезвычайной ревностью в отправлении своих обязанностей, причем, как принадлежавший к дервишской семье, он не забывал внушать имущим

¹ Курсивом выделены стихи 4, 5 и 6 из XX суры Корана.

Рис. 1. Надгробие псевдо-Сейид Омара в Самарканде.

классам, чтобы они помогали дервишам. Получив воспитание в суфийском духе и, повидимому, не оставляя стадий мистического пути, Сейид Омар сумел сочетать это с официальной должностью *мухтасиба*, ибо в то время, повидимому, еще не было такого разрыва, как позже, между *ахл-и таухид* и *ахл-и сыфат*, т. е. между признающими абсолютное единство Аллаха или Истины, и теми, кто видит его единство во множестве имен, образов и качеств, т. е. между *улема* и суфийскими „старцами“. Автор „Рашахата“ отмечает, что Сейид Омар умер „в месяцы“ 803|1400—01 г.¹ В. Л. Вяткин, говоря о похороненных в Гур-и Эмире лицах, кратко пишет, что „в западной нише“ лежит „Суфи Мир Сеид Умар (ум. 803 г.), сын известного суфи (мистика) амира Сеид Куляля. Мир Сеид Умар собственно ничем не замечателен и присутствие его могилы в одной с Тимуром усыпальнице является фактом загадочным“. (Дальше приводятся домыслы, как это могло случиться). Любопытно отметить, что покойный В. Л., приводя дату смерти Сейид Омара 803 г., ссылается на „Нафахат ал-Унс“ без всяких других, принятых в таких случаях, подробностей.² Между тем ни критическое издание N. Lees (Калькутта, 1858—1859) этого труда Джами, ни индийские литографии, ни рукописи не заключают биографии Сейида Омара; остается предположить, что или В. Л. Вяткин сделал эту ссылку по памяти, или в его распоряжении был „Нафахат ал-Унс“ какой-то другой редакции, или просто здесь какое-то недоразумение.

М. Е. Массон без ссылки на какой-либо источник, с добавлением слов „по преданию“, повторяет по-существу те же сведения о Сейид Омаре, которые дал В. Л. Вяткин, но совершенно определенно отмечает, что он занимал „при жизни должность мухтасиба в Самарканде“. В связи со всеми этими неопределенными и сбивчивыми сведениями о Сейид Омаре, приведенными упомянутыми учеными, я позволю себе остановиться на данных об этой личности, помещенных в том труде, который послужил источником для автора „Рашахата“ и который остался, повидимому, неизвестен В. В. Бартольд, В. Л. Вяткину и М. Е. Массону. Труд этот называется *مقامات امير كلال* („Стадии мистического пути эмира Кулала“); его автор — правнук шейха по прямой линии, по просьбе ряда лиц из потомков шейха, весьма добросовестно собрал сведения о жизни и поучениях эмира Кулала и о членах его семьи по мужской линии. Среди таких сведений он дал совершенно определенные и о Сейид Омаре. Последний, по словам этого источника, был младшим сыном бухарского шейха эмира Кулала (ум. в 772/1370—71 г.), родившегося и умершего в селении *Сухари* (سوخاری), лежащем к востоку от г. Бухары километрах в 4 от Бахаудина (на картах — Мир Кулал, по имени находящегося там мазара) Эмир Кулал, как известно, был пиром или духовным наставником знаменитого патрона Бухары, шейха Бахауддина „накшбенда“ (ум. в 790/1388 г.). Сейид Омар, пойдя по стопам своего отца, тем не менее

¹ *رشحات عين الحيات*, а с-Сафи. Лукнов, 1323/1905, стр. 48.

² В. Вяткин, Гур-Эмир, стр. 301.

большую часть своей жизни посвятил исполнению обязанностей *мухтасиба* в г. Шахрисябзе, где его ревности к отправлению своей должности не могла даже остановить угроза смерти со стороны тех, кого он старался отвести от совершения антишариатских поступков. Но, вместе с исполнением этой должности карательно-инспекторского характера, Сейид Омар усердно занимался и суфийской практикой, и автор вышеупомянутых „Макамат-и Эмир Кулал“ приводит немало данных, касающихся этой стороны жизни Сейид Омара. Он умер в 803/1400—1401 г. в Банд-и Оганин, а через год его останки были перевезены оттуда в Бухару и похоронены в сел. Сухари, рядом с его отцом, эмиром Кулалем.¹ Этого же рода сведения мы находим и в последнем по времени труде бухарского принца Насируддин-тюрки (или, как он сам называет себя, „Насируддин-ал-Ханафи ал-Бухари“) *تحفة الزائرین*, т. е. Подарок посещающим св. места (Бухары). Автор этого труда в совершенно определенных выражениях пишет, что Сейид Омар „покоится по близости своего отца“.² Таким образом, как мне кажется, нет никаких оснований считать, даже „по преданию“, погребение в западной части Гур-и Эмира за могилу Сейид Омара, сына эмира Кулала, а следует придать ей наименование „могилы неизвестного лица“, как подчеркивает это сама надпись на надгробной плите на этой могиле.

¹ مقامات امير کلال، бух. литография без обовн. года и типографии, стр. 55—60.

² تحفة الزائرین، بخارا، 1324، стр. 46.